

BYZANTINA CHRONIKA

ΤΟΜΟΣ ΤΡΙΤΟΣ

ВИЗАНТИЙСКІЙ ВРЕМЕННОИЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

В. Г. Васильевскаго и **В. Э. Регеля**
Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Сиб. Университета.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1896.

КОММИССИОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. | К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14. | Leipzig. | К. Л. Ricker, Königsstr. 20.

I.

Два надгробныхъ стихотворенія Симеона Логовета.

Оба печатаемые здѣсь стихотворенія заимствованы изъ кодекса Парижской національной библіотеки № 1277 и до сихъ поръ не были изданы. Они списаны С. П. Шестаковымъ.

Первое изъ нихъ было мнѣ давно извѣстно по оглавленію означеннаго кодекса въ каталогахъ и возбуждало мое любопытство именемъ автора, который тутъ названъ Симеономъ Логоветомъ. Возможно было предположеніе, что это тотъ самый (Симеонъ) Логоветъ, хроника котораго послужила къ продолженію и распространенію Амартола, дошла до насъ въ цѣлости на славянскомъ, а также въ греческихъ болѣе или менѣе измѣненныхъ редакціяхъ съ именами Льва Грамматика и Феодосія Мелитинскаго, однимъ словомъ — тотъ Логоветъ, трудомъ котораго мы много занимались въ статьѣ *Византійскаго Временника* за прошлый годъ. Въ сей послѣдней мы, однако, почти не касались вопроса о времени, когда жилъ и писалъ онъ Симеонъ, хотя и сознавали, что старая проблема, разъ нами нѣкогда затронутая, требуетъ пересмотра по новымъ накопившимся даннымъ, къ числу которыхъ мы предположительно относили и надгробіе царю Стефану. Теперь, благодаря обязательной любезности профессора Казанскаго университета, С. П. Шестакова, къ которому мы обратились съ соотвѣтствующею нашей потребности просьбою во время его занятій въ рукописномъ отдѣленіи Парижской національной библіотеки, стихотвореніе Симеона можетъ быть обнародовано для всеобщаго свѣдѣнія. Но, кромѣ того, С. П. Шестаковъ списалъ и другое, стоящее въ кодексѣ рядомъ стихотвореніе «на Мелитинскаго маистра Дисинія», принадлежащее, очевидно, тому же автору, то есть Симеону Логовету. Г. Шестаковъ замѣчаетъ въ письмѣ къ намъ, что

обѣ пьесы помѣщены непосредственно одна вслѣдъ за другою и при томъ такъ, что заглавіе второй стоитъ въ строку съ послѣднимъ стихомъ первой. Поэтому С. П. Шестаковъ думаетъ, что стоящее въ заглавіи передъ первую слово ἐπιτύμβιοι (надгробные) относится какъ къ первой, такъ и ко второй. Такое мнѣніе можетъ быть принято, хотя, какъ увидимъ ниже, второе стихотвореніе и относится къ живому человѣку, только въ зломъ, ироническомъ смыслѣ выдаваемому за мертвеца, котораго не принимаетъ адъ. Текстъ, писанный въ оригиналѣ мелкимъ шрифтомъ съ частыми сокращеніями, не всегда достаточно разборчивъ; особенно три послѣднія строки второй пьесы возбуждаютъ сомнѣнія. Чтобы получить сколько-нибудь удовлетворительный смыслъ, мы отступили нѣсколько въ передачѣ ихъ отъ предположеній С. П. Шестакова, но не ручаемся за вѣрность своего толкованія.

Относительно содержанія перваго стихотворенія нужно замѣтить слѣдующее:

Царь Стефанъ былъ сынъ Романа Лакапина (920—944). Отецъ его захватилъ власть и престолъ въ несовершеннолѣтіе Константина Багрянороднаго, за котораго онъ выдалъ свою дочь. Хотя Константинъ формально не лишенъ былъ сана и царскаго титула, но все-таки отгѣсненъ на второй планъ — и даже ниже того, такъ какъ Романъ вѣнчалъ на царство и собственныхъ сыновей, въ числѣ ихъ Стефана. Стефанъ оказался неблагодарнымъ сыномъ; подобно Авессалому (сравненіе принадлежитъ хроникѣ), онъ возсталъ противъ отца и былъ главнымъ виновникомъ его низложенія и ссылки на одинъ изъ острововъ Принкипо (Принцевыхъ). Стефанъ думалъ царствовать вмѣстѣ съ Константиномъ, рожденнымъ въ порфирѣ и потому наиболѣе законнымъ государемъ, но едва минуло сорокъ дней послѣ перваго переворота, какъ послѣдовалъ другой: Стефанъ съ братомъ былъ схваченъ, когда сидѣлъ за обѣдомъ, тоже отправленъ въ ссылку и постриженъ въ монахи. Возмужавшій Константинъ разсудилъ, что сынъ, не пощадившій собственнаго отца, едва ли заслуживаетъ довѣрія со стороны зятя (по сестрѣ). Та же участь постигла и другого сына Романа Лакапина, участвовавшаго въ проискахъ Стефана. Преступнымъ братьямъ позволено было, по ихъ просьбѣ, посѣтить низложеннаго ими отца; увидѣвъ его въ монашескомъ облаченіи, они были поражены «несказанною печалью», говорятъ хроника. Затѣмъ Стефанъ проживалъ въ изгнаніи сначала на островѣ Приконнисѣ, съ

Приконниса былъ переведенъ на островъ Родосъ, съ Родоса въ Митлину (Лесбосъ). Дѣлалось это, вѣроятно, не безъ причины; есть извѣстія о проискахъ въ столицѣ, имѣвшихъ цѣлью возвращеніе одного изъ сыновей Романа на царство. Судьбы Стефана при жизни тщательно отмѣчаетъ хроника Симеона Логовета; но о смерти Стефана въ ней не говорится. Изъ другого источника мы узнаемъ, что она послѣдовала въ 963 году (Sedgen. II, 346). Отсюда позволительно вывести такое заключеніе, что Симеонъ Логоветъ, относившійся къ Роману Лакапину съ большимъ сочувствіемъ, а къ его дѣтямъ съ снисходительнымъ вниманіемъ и состраданіемъ, писалъ свою хронику ранѣе 963 года; иначе онъ отмѣтилъ бы въ ней событіе, которому самъ посвятилъ особое стихотвореніе; тѣмъ болѣе, что и упоминаніе о разныхъ мѣстахъ ссылки выходитъ собственно изъ предположенныхъ рамокъ его хроники, кончающейся изложеніемъ Романа въ 944 году. Если есть другія извѣстія, забѣгающія впередъ еще болѣе, чѣмъ сообщеніе о судьбѣ сыновей Романа, и касающіяся позднѣйшей участи второстепенныхъ участниковъ заговора, поведшаго къ изложенію Романа, то, по нашимъ соображеніямъ, высказаннымъ въ вышеупомянутой статьѣ (Византійск. Времен. II, 133), они составляютъ позднѣйшее дополненіе къ первоначальному тексту хроники Симеона. Въ славянскомъ переводномъ текстѣ ихъ нѣтъ. Въ тождествѣ автора надгробія съ составителемъ хроники не зачѣмъ сомнѣваться.

Стихотвореніе отъ имени покоящагося подъ памятникомъ приглашаетъ прохожаго взглянуть на гробницу царя Стефана и подивиться его многопревратной судьбѣ. «Меня родилъ Романъ, государь (новаго) Рима; онъ далъ мнѣ скинетръ и державу, но я, не боясь суда отчаго, низложилъ родителя съ престола и лишилъ его власти. И вотъ скоро постигла меня божья кара, вызванная отеческими горячими рыданіями; вмѣсто дворца я попалъ на островъ, теченіе нашей жизни повернуло вспять и излилась на насъ буря безмѣрныхъ бѣдствій. Проживъ, подобно Танталу, много горькихъ лѣтъ, какъ неподвижная скала среди волнь, я воротился изъ Пропонтиды и въ видѣ мертвеца прихожу жить въ своемъ отечествѣ; этотъ столбъ (стила) указываетъ на мою гробницу и на превратность моей судьбы». Стихотвореніе заканчивается обращеніемъ къ отцу, чтобы онъ склонилъ къ милосердію высшаго судію, «ибо до какихъ поръ должны продолжаться мои страданія».

Изъ второго стихотворенія, имѣющаго рѣзкій сатирической характеръ, видно, что Симеонъ Логоуетъ, въ хроникѣ котораго сообщаются очень отчетливыя и подробныя извѣстія о враждебныхъ и мирныхъ сношеніяхъ Византіи съ арабскими эмирами при-евфратской Мелитены (Малатіи),— интересовался ея положеніемъ и послѣ покоренія ея и обращенія въ византійскую провинцію, что у него въ хроникѣ описано въ числѣ событій 927 года (Leo Gramm. p. 318. Theodos. Meliten. p. 226). Магистръ Дисиній, которому посвящена пьеса, былъ византійскимъ воеводою Мелитены, можетъ быть, первымъ послѣ присоединенія эмирата къ христіанской имперіи. Принадлежность пьесы Симеону Логоуету имѣетъ значеніе въ томъ смыслѣ, что этимъ самымъ устраняется возможность изъ близкаго знакомства съ мелитинскими дѣлами въ хроникѣ выводить предположеніе о какихъ-либо особыхъ правахъ на авторство Θεοδοσία *Μελιτηνσκαго*, считаемаго нами просто компиляторомъ или даже переписчикомъ: и Симеонъ Логоуетъ имѣлъ какія-то особыя отношенія къ Мелитенѣ.

Стихотвореніе преслѣдуетъ Дисинія рѣзкою и даже грубою саркастическою бранью, какъ человѣка низкаго происхожденія, дурного судью и безжалостно жестокаго правителя. Если все принимать буквально, то будущій магистръ и воевода былъ сначала чѣмъ-то въ родѣ фельдшерскаго помощника и кормился тѣмъ, что, переходя изъ одного богоугоднаго заведенія въ другое, изъ одной больницы въ другую, ставилъ промывательныя клистиры нуждающимся въ томъ. Судьба возвысила и поставила его среди высшихъ чиновъ синклита, но этимъ только болѣе обнаружила его низкую природу. Онъ любитъ предсѣдательствовать въ судахъ, но выказываетъ при томъ полное свое невѣжество въ законахъ и возбуждаетъ смѣхъ въ средѣ законовѣдовъ. Онъ притворно почитаетъ добродѣтель, но въ сущности всѣмъ заправляетъ и все ведетъ ненависть, которая гнѣздится внутри его души, какъ госпожа. Долгія лѣта совсѣмъ изсушили его тѣло, но адъ не принимаетъ мертвенныя останки, онъ отпущенъ на волю, чтобы все пожирать—не только чужія имущества, но и самыя души людей.

Codex Paris. graec. № 1277, fol. 243. Συμεῶνος τοῦ λογοθέτου ἐπιτύμβιοι.

I. Εἰς τὸν κῦριν Στέφανον τὸν βασιλέα.

Τάφον θεῶρει, ἀλλὰ τὸν τρόπον βλέπε
καὶ θαύμασόν μου τὸν παλίνστροφον βίον.

- αἶ, αἶ τὰ πικρὰ κέντρα τῆς δυσβουλίας·
πατήρ με γεννᾶ Ῥωμανός, Ῥώμης ἀναξ,
5 τιμᾶ δὲ λαμπρῶς, σκῆπτρα δούς καὶ τὸ κράτος.
ἐγὼ δέ, πατρός μὴ πτοηθεὶς τὴν δίκην,
τὸν φύντα ῥίπτω τοῦ θρόνου καὶ τοῦ κράτους.
ὀπλίζεται δὲ θάττον ἡ θεία δίκη
καὶ πῦρ ἀνάπτει πατρικῶν στεναγμάτων.
10 καὶ νῆσον εὖρον ἀντὶ τῶν ἀνακτόρων.
ἐντεῦθεν ἡμῖν ῥοῦς παλιρρύτου βίου
καὶ συμφορᾶς ἀπειρος ἐκχεῖται κλύδων.
ζήσας δὲ πικρούς, ὡς ὁ Τάνταλος, χρόνους,
ὥσπερ μέσον τῶν κυμάτων στεῖρρά πέτρα,
15 αὐδὺς παλιμπόρευτος ἐκ Προποντίδος
νεκρός κατοικεῖν στέλλομαι τὴν πατρίδα,
στήλη βοῶσα τὸν τάφον καὶ τὸν τρόπον.
ἀλλ' ἴλεων εὐρ[έ] μοι τὸν κριτὴν, πάτερ,
σοῦ συμπαθοῦντος· μέχρι γὰρ τίνος πόνοι;

II. Εἰς Δισίνιον μάγιστρον τὸν Μελιτινῆς.

- Κλυστῆρσι τὸ πρὶν κοπροπάγ[ος] ἐτρέφου,
ἐν τοῖς ξενῶσι πανταχοῦ διατρέχων.
ὑψωσεν ἡ τύχη σε συκ>κλήτου μέσον
καὶ τοῦ γένους ἐδειξε τὴν ἀχοσμίαν.
5 φιλεῖς δικάζειν, ἀλλ' ἐν ἀγνοίᾳ νόμου,
γελᾶ σε τὸ πλήρωμα τῶν δικασπόλων,
δοκεῖς δὲ τιμᾶν ἀρετὴν ὑποκρίσει,
ἀλλὰ στρατηγεῖ καὶ διελέγχει φθόνος,
ὄν ἐνδον οἰκουροῦντα δεσπότην ἔχεις.
10 καὶ νῦν παρακμάσαντα μακρῶ τῷ χρόνῳ
ἄδου ἀποστρέφει σε [ν]εκρὸν λειψάνοις·
ψυχὰς γὰρ αὐτός, τὰς δὲ πάντων οὐσίας,
13 ἀφῆκεν ἐσθίειν σε, τῆς γῆς τὸν κόπρον.